

A romantic winter-themed illustration. In the foreground, a young woman with long, wavy blonde hair and bright red lips looks directly at the viewer. She wears a pink and white striped knit beanie with a pom-pom and a red and white striped scarf. In the background, a young man with dark hair and a beard looks off to the side. He wears a bright red puffer jacket and a red beanie. The background is a soft-focus winter scene with snow, pine branches, and warm, golden light rays emanating from behind the man. The overall mood is cozy and romantic.

КРИСТИНА
Майер

СПОРИМ
на желание?

Кристина Майер

Спорим на желание?

<https://litres.ru/74694773>

Аннотация

— Ты преступник, — выговаривает ее тетка. — Я запрещаю тебе подходить к Владе. Она слишком хороша для такого, как ты, — сильно нервничает, но не отступает. Уважаю ее за это. — Вы не можете мне ничего запретить, — вижу, как округляются ее глаза. Она неправильно меня поняла, я не козыряю своей фамилией, но если понадобится, задействую все ресурсы. — Не трогай ее, я прошу тебя, — нелегко «железной леди» кого-то умолять. — Нет...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1

Влада

— Возьми такси, не вздумай идти пешком, — строгим тоном предупредила тетя, не отрывая взгляда от каких-то бухгалтерских бумаг. С обеда зарылась в огромные папки и даже не пришла посмотреть на репетицию.

Марине некогда отдыхать. Конец года, нужно готовить отчеты для всех ведомств. Скоро новогодние праздники, а это значит, что работать придется больше. Тетя взвалила на себя нелегкую ношу шесть лет назад — стала директором детского дома в двадцать пять лет, махнув на свою личную жизнь. Ей тридцать два, не замужем, своих детей нет. Хотя она правильно рассуждает: чужих детей не бывает.

За это время она подняла забытое администрацией учреждение на должный уровень. Теперь детский дом стал лакомым кусочком, Марину столько раз пытались подвинуть, чтобы занять ее место, но пока у злопыхателей ничего не получается.

— Марина Александровна, — заглянула в кабинет нянечка. — Зонков опять пропал, — обеспокоенным голосом.

— Идем искать, — тут же поднимается и-за стола Марина. Она хоть и была директором, но не типичным. Ее касалось все — даже самые мелкие проблемы. Для отказников и сирот она была скорее мамой, чем строгой теткой. Хотя злой

и скандальной Марина тоже могла быть, без жесткости в характере не смогла бы выбить все, что причиталось по закону обездоленным детям.

За каждого ребенка Марина билась, как за своего. Переживала. Ее душу не закрутило в жернова бюрократии. Детей никто в детском доме не обижал. Первые годы работы текучесть кадров была такая, что ей казалось, она никогда не наберет персонал. Набрала, все проверки выдержали работницы. Марину хвалит руководство, весь кабинет обвешан грамотами, дети ее очень любят. Она практически жила последний год на работе, дома не хотела появляться — и для этого были причины, по которым и меня не тянуло домой.

— Марина, посмотрите за шкафом в игровой, — завязывая пояс пальто, крикнула в спину спешащим женщинам. Не сомневалась, что он там сидит. Сегодня перед репетицией я заметила, как он оттуда вылезал.

Была у Вовы привычка прятаться от людей. Он любил тишину, любил рассматривать картинки в книгах. Нужно оставить ему какую-то тихую зону, чтобы его никто не беспокоил, тогда и пропадать перестанет. Не забыть бы поговорить об этом с Мариной. Воспитатели боятся ее гнева, поэтому не выпускают детей из поля зрения, а Зоркину нужно уединение.

Надев шапку, варежки, куртку и обмотавшись шарфиком, прикрыла дверь кабинета Марины.

На улице было морозно и холодно. До нового года ка-

ких-то три недели, а еще многое нужно успеть. Мечтаю устроить малышам незабываемый праздник, но пока нужно выучить стихи, разучить песенки, поставить новогоднюю сценку, подготовить декорации, а то краска за год слезла. Со старшими детьми проще, они все понимают, самостоятельные уже. Раздала листки с текстом, через пару дней провела.

Марина не платила мне за работу в детском доме, помогать ребятам – была моя инициатива. Два месяца назад у них в декретный отпуск ушла педагог по воспитательной работе, она же вела уроки этики. Я с радостью предложила ее заменить. Дети меня давно знали и шли на контакт. Работать на ставку у меня не получится из-за учебы, поэтому ищут нового педагога, кто согласится пойти на декретное место.

Тетю я не послушалась. Идти до дома не больше двадцати минут. Несмотря на морозный вечер, мне хотелось пройтись. Прогулки на свежем воздухе полезны в любое время года и при любой погоде. Все свободные деньги я откладывала на подарки малышне. Хотелось порадовать их большими наборами конструкторов.

Причина моей прогулки – не только свежий воздух. Положа руку на сердце, стоит признаться: домой меня не тянуло. Наша уютная пятикомнатная квартира перестала быть мне родной.

Последние полгода в доме неприятная обстановка. Мама развелась с отцом, узнав, что он завел молодую любовницу.

Они разъехались по разным комнатам, но папа, вместо того чтобы просить прощения, привел эту женщину в наш дом. Мама переехала к родителям в деревню, что находится за сто километров от Москвы. Марина, которая всю жизнь жила с братом и его семьей, стала чаще оставаться на работе. Брат теперь живет у своей девушки. Только мне некуда податься, из-за учебы я не могу позволить себе снимать квартиру. Невыносимо жить с отцом, которого винишь в развале крепкой семьи.

В большой пятикомнатной квартире теперь много свободного пространства, а атмосфера такая душная и тяжелая, что находиться дома невозможно. Если бы не учеба, сбежала бы к маме в деревню. Жила бы, как и она – с бабушкой и дедушкой.

Когда подхожу к дому, всегда ощущаю неприятный осадок, тяжесть на душе, сегодня к этим ощущениям добавляется тревога.

К чему бы?..

Глава 2

Влада

Во дворе многоэтажек горели редкие фонари. Не везде, к сожалению. Чем глубже находится строение, тем темнее. Возле нашего подъезда опять темнота. Дом крайний, ночью идешь с опаской. Ладно, если кошка напугает или выскочит бродячая собака, лай поднимет; намного хуже, если пьяная молодежь «отдыхает» на детской площадке или какие-нибудь дружки пожаловали к местным гопникам, считающим себя авторитетами.

Кому-то ведь не лень бить лампочки?

Громко и неожиданно заиграла музыка. Отметила своим музыкальным слухом дорогую аудиосистему, которая способна так чисто передавать звук. Неплохие современные треки, но я обычное такое не слушаю. Играла музыка из машины. В том, что это не местные, сомнений не было даже до того, как увидела дорогой автомобиль, на который падал свет из окон.

У подъезда стояло несколько машин, но в глаза бросался крутой оранжевой спорткар Ламборджини. Замедлив шаги, думала, как поступить. Предчувствие такое, что дальше идти не стоит. Сколько еще придется времени провести на улице? До подъезда метров тридцать, а я замерзла, пока шла.

Приближаясь, сквозь звуки громкой музыки слышала

мужскую ссору на повышенных тонах. Слов особо не разобрать, лишь матерная речь выбивается на общем фоне. Опустив голову, пытаюсь пройти по стенке к подъезду. Узнаю голос нашего соседа, который держит в страхе весь район. Тот еще отморозок. Его младший брат неплохой парень, но вечно влипает в какие-то истории.

— Ты сдохнешь, понял? — холодный голос касается моего сознания, выбивая из головы все мысли. От страха я врастаю в землю, вместо того чтобы убежать.

Удар, еще один. Громкий крик боли. Не понимаю, кто и кого бьет. За что бьют — мне неинтересно. Прижавшись к стене, пытаюсь заставить себя двигаться к подъезду. Я тут не из-за любопытства застряла, боюсь привлечь к себе внимание, выйти из невидимой зоны.

Пауза между треками позволяет услышать странный неприятный хруст, который сопровождается криком.

— Ты мне пальцы сломал! — держась за руку, воет сосед.

Его младший брат кидается на защиту брата, но спустя несколько ударов оказывается на земле. Поднимается, дурак...

Здоровый крепкий парень, что с ними разбирался, хватается Антона за грудки, не прилагая усилий, откидывает его прямо к моим ногам. Антон пролетел метров пять, не меньше.

— Не надо, не бей больше! — орал сосед. Удивительно: такой смелый и наглый с местными — сейчас он мямлил и выл на весь район.

Из-за него я лишний раз на улицу не выходила, прохода не давал. Его мне было не жалко. А вот Антону хотелось помочь. Он тихо стонал. Присев на корточки, попробовала его поднять.

В некоторых окнах загорелся свет. Плохо, очень плохо. Свет выхватил из темноты тот угол, где я пряталась все это время. Женщина сверху грозит вызвать полицию. Мужик – видимо, пьяный – требует выключить музыку, проклиная дебоширов, обзывая их словами, от которых уши в трубочку сворачиваются.

— Чтобы вы все там сдохли! — желает он, на дорожку падает горящий окурок.

— Больно? — тихо интересуюсь у Антона. Он не может подняться, лежит на земле и вертит головой.

— Нормально, — убирая кровь с губы. — Помогите подняться, — косится в сторону драчунов. Разборки продолжают.

Помогаю сначала сесть, потом встать. Он хочет влезть обратно в драку, но я удерживаю его за подол куртки. Антон слаб, и только поэтому мне удастся справиться, поскользнувшись, он вновь оказывается на земле.

Спрашивается, почему парням не живется спокойно?

Достаю из сумки чистый платок, вытираю кровь с разбитого лица Антона. Зачерпываю пригоршнями снег и прикладываю к ранам.

Во двор въезжают два полицейских уазика. Перекрывают

выезды. Убежать можно, а вот выехать не получится. Наконец-то все это закончится, и я смогу уйти домой!

— Грузи всех, — зычный командный голос раздается на всю округу.

Как всех?..

Мня тоже?..

Жмусь обратно в свой угол к стеночке.

— Я просто домой шла, — указывая на подъезд, начинаю оправдываться, когда мужик в форме грубо выдергивает меня из укрытия. — За что? — обидно от такой несправедливости.

— В отделении разберемся! — рычит на меня жирное быдло.

Антонна ставят на ноги, но он настолько слаб, что не может идти. Тогда его хватают за руки и волокут до уазика.

— Его ведь избили... его в больницу нужно отвезти... — до моих криков о помощи никому нет дела...

Глава 3

Влада

— Оставь ее, командир, она просто мимо проходила, — Антон пробовал за меня заступиться.

— Молчать, — так грубо дернув соседа, что тот от боли застонал.

Парней, что затеяли драку, жестко хватать и тащить в машину опасались. Гера — брат Антона — лежал на снегу, не шевелился.

Боже...

Вдруг его убили?..

Становилось до ужаса страшно, внутри все деревенело. Не получалось даже слово сказать.

Один из мажоров, что стоял в стороне и за всем наблюдал, орал матом на полицейских.

— Руки убери, ты меня хватать будешь, мудило? Знаешь, кто мой отец? Да тебя сейчас раком твои же нагнут и по кругу пустят, чтобы погоны не потерять... — ему все-таки заламывают руки и ведут к открытой задней двери.

Не церемонясь, меня грубо заталкивают в машину. Обо что-то металлическое цепляюсь колготками и ногой. Колено обжигает острая боль, колготки рвутся. За все это время мне ни разу не приходит мысль позвать отца на помощь. Наверное, потому что после того, как в дом пришла чужая женщи-

на, он защищает лишь ее. В тот момент он перестал быть для меня стеной и опорой. Отец предал маму, поэтому и отношение к нему было, как к предателю.

Я не сопротивляюсь, но меня все равно жестко приземляют на лавку. Не понимаю, зачем эта излишняя грубость? Самоутвердиться, что ты мужчина? Власть и погоны позволяют безнаказанную и неоправданную жестокость? Через зарешеченное окно пытаюсь разглядеть Геру. Хоть бы пошевелился...

Антон закидывают в уазик, усаживают рядом со мной. Откинув голову назад, он тихо стонет. Мы не общались с ним, не были друзьями, но не получается остаться безучастной к его боли.

В машину заталкивают еще одного участника драки, он все время сопротивлялся, кричал и угрожал. Вынудил полицейских надеть на него наручники. С ним перестали церемониться, когда он ударил полицейского ногой. Мажора изрядно покатали по грязной земле, из оторванного рукава длинного пуховика торчал наполнитель. Задержание снимали на камеру, чтобы в случае проблем с богатым папашей у стражей правопорядка были доказательства.

— Руки! Я сам сяду, вести меня не надо! — переключаю внимание на сильный, жесткий голос. Он настолько уверен и спокоен, что это остужает полицейский беспредел. Как по команде они приходят в себя. Возможно, они просто в курсе, кто его родители.

Парень, что устроил расправу, достает из кармана брелок с ключами, закрывает машину, ставит ее на сигнализацию. Проходит к машине, легко запрыгивает в автомобиль, занимает единственное, оставшееся свободным, место.

— Ты пожалеешь, капитан... — продолжает угрожать тот парень, что сидит напротив меня. Хорошо, наверное, что здесь темно, и моя персона пока никому неинтересна.

— Заткнись, — тихо и угрожающе произносит его товарищ, но тот, видимо, пьян, только этим можно объяснить его бесстрашие.

Не устроили бы они драку между собой.

— Я имею право на звонок. Верните телефон, суки, я позвоню отцу...

— Грач, ты уgomонишься? — сжимая кулаки на коленях.

— Снимите с меня наручники! — орет во всю мощь своих легких, а я, стараясь не дышать громко, вжимаюсь в металл за спиной.

— Закрой рот или я тебе сейчас сам еб*** разобью, — хватает товарища за грудки и ощутимо встряхивает. Клацнули зубы, и после этого наступила тишина. Опасная такая тишина, пробирающаяся внутрь, сковывающая тело.

Откинув голову на решетку, он прикрыл глаза, но у меня было четкое ощущение, что парень наблюдает за мной. Я прятала лицо в вороте пуховика. Когда машина выезжала на освещенные участки трассы, я пыталась поймать его взгляд, но глаза всегда были закрыты — тогда откуда это ощущение,

что на тебя смотрят?

У него красивые черты лица. Чувствуется порода: высокий рост, широкие плечи. На таких парней девушки всегда обращают внимание. Короткая стрижка не по сезону, пухлые губы, уголок которых приподнят из-за привычки ухмыляться, выраженный подбородок, темные брови и прямой нос. Глаза его мне так и не удалось рассмотреть.

Куртка расстегнута, под ней белая футболка с отпечатавшимися на ней каплями чужой крови. На шее татуировка. Просто красивый орнамент или этот символ имеет какое-то значение? Руки до сих пор сжаты в кулаки, он не так ослаблен, как пытается показать.

Все-таки я перестала быть заметной. Мажор, что сидел напротив, нагло меня рассматривает.

— Ты кто такая? — агрессивно, наклоняется чуть вперед. Неприятный тип. Оба неприятные...

В это время машина тормозит, избавляя меня от необходимости отвечать.

Нас помещают в обезьянник. В отделении их два, оба забиты. Разве могут они вечером пустовать? Я впервые в таком месте, хотя было время, когда отец работал в органах, брал несколько раз меня с собой на работу. Завсегдатаи таких мест — наркоманы и проститутки, задержанные в ходе рейдов.

Нашу недружную компанию разбавляют две ночные бабочки. За соседней решеткой — пара выпивших мужиков с

разбитыми лицами, парень, похожий на наркомана, сидит на корточках, а рядом с ним еще кто-то, почему-то мне кажется, что это девушка.

Неосознанно прячусь за спиной Антона, хоть он с трудом сидит на узкой скамейке. Его брата всегда старательно избегала, а с ним мы редко пересекались, обходились вежливым приветствием. Добрыми соседями нас никак не назовешь, но он единственный, кого я знаю. Надеюсь, его брат жив, наверняка парень переживает.

— Красавчик, хочешь меня? — распахивает куртку одна из путан, грудь обтянута черной сеточкой, бюстгальтер отсутствует. — За три косаря прямо здесь обслужу, — некрасиво смеется.

Откуда деньги он ей достанет? У нас все забрали.

Увеличенные губы, накрашенные жирной помадой, смотрятся вульгарно. Лицо ее мне не нравится, да и фигура уже расплзлась, а вот волосы красивые – длинные, густые, насыщенного ярко-рыжего цвета. Вторая – блеклая брюнетка, но с большими, явно сделанными губами.

— Минет сделаешь? — развалившись в противоположном от нас с Антоном углу, широко разводит ноги. Наручники с него сняли, а нужно было еще и на ноги надеть!

— Да без проблем. Деньги покажи, — от ее смеха меня коробит. Мажор в порванном пуховике достает откуда-то пятьдесят долларов.

— Отсосешь? — зачем-то уточняет. Для чего этот цирк?

Просто повеселиться? Совсем не смешно.

Она опускается перед ним на колени. Я в диком ужасе, до последнего надеюсь, что на этом все закончится.

Берется за пряжку ремня, затем следует характерный звук молнии на брюках. За этой порнухой наблюдают все. В соседнем обезьяннике повисает тишина. Пара наркоманов продолжает зависать, им не до представления.

Путана гладит через трусы полувозбужденный орган. Почему никто это не остановит? Отворачиваюсь, смотреть на это нет никакого интереса. Ничего кроме брезгливости эти люди у меня не вызывают.

— Презерватив покажи, — звучит наглый злобный голос, прежде чем она спускает с него белоснежные боксеры.

— Мусора забрали весь рабочий скарб, — еще не понимая, что сейчас произойдет что-то нехорошее, а ведь должна была почувствовать, вряд ли она первый день в профессии.

— Тогда пошла на *** от моего члена, — отталкивает ее ногой. Во мне все бунтует и кричит от возмущения. Кем бы она ни была, она женщина! — Я его не на помойке нашел, — прячет деньги в карман. В соседнем обезьяннике раздается пьяный гогот.

Мажор в белой футболке, просунув руки в решетки, все время стоял к нам спиной, он не взглянул даже на разыгранное представление. О чем-то думает?

А зачем мне об этом знать?

— А вот ты мне отсосешь – без презика, — поднимается

и идет в нашу сторону. — Тебя я не брезгую, — останавливается напротив, склонив голову набок, рассматривает. Антон поднимается на ноги, чуть качнувшись, выпрямляется во весь рост, загораживает меня собой. Не успеваю даже мысленно его поблагодарить. Этот отморозок бьет Антона головой в лицо, тут же хватает меня за руку. Уцепившись рукой за металлические прутья, сопротивляюсь. Не ору, другие тоже молчат. У Антона из носа течет кровь.

— Отпусти ее, — рядом оказывается его друг. Ленивый, расслабленный, но отчего-то пугающий до ужаса. Второй раз он не повторяет, хватает товарища одной рукой за грудки. Слышу, как трещат швы пуховика.

— Рус, ты что, за эту девку заступиться решил? — вырваться из захвата не может, отпускает мою руку. — Да она и тебе отсосет. Бесплатно, да, красивая? — зло смеется, глядя на меня.

В следующий миг он отлетает. Я сегодня уже видела этот трюк. Ударившись спиной о решетки, падает на бетонный пол.

— Молчи, — предупреждает сосед, когда на грохот и визг сбегаются сотрудники полиции, но все в один голос уверяют, что все нормально. Антон прячет в ладонях разбитый нос. Кровь бежит сквозь пальцы и падает на пол, но стражи правопорядка старательно ничего не замечают.

Скинув куртку, мой «защитник» стаскивает с себя футболку и кидает Антону. Тот вытирает тканью кровь.

Тоже мне – благородный убийца...

Глава 4

Влада

— Грач, еще одна выходка, и я тебя вырублю, — это не простая угроза, а четкое предупреждение. Не сомневаюсь, что он так и поступит. С такими друзьями врагов не надо.

Протянув руку, Руслан помогает товарищу подняться. Рус — это ведь Руслан?

Нас не спешат допрашивать и отпускать. Если полицейские разберутся, что я ни в чем не виновата, меня отпустят домой. По крайней мере, мне хочется думать, что не все так плохо и гнило в наших структурах. Сидя в застенках обезьянника, все время думала о том, что ни Марина, ни отец не знают, где я нахожусь.

Путаны дремали, в прохладном помещении стояла тишина, неприятная, давящая. Сколько времени я уже нахожусь здесь?

Антон сидел рядом, откинув голову на стену. Покрытая ржавыми пятнами крови футболка валялась в углу рядом со скамейкой. Кровь из распухшего носа перестала течь, но на лице остались высохшие разводы. На наших правоохранителей зла не хватало. А вдруг у парня внутреннее кровотечение, а они, вместо того чтобы спасти, заняты своими делами.

— Тебе в больницу нужно, — не выдержав, озвучиваю

свои мысли. Говорю негромко, но привлекаю внимание мажоров.

— Как думаешь, с Герой все нормально? — спрашивает Антон. Тихим голосом, наполненным страхом, так проникновенно, что мне удастся прочувствовать его боль.

— Уверена, что он поправится, — я не уверена, я боюсь, что тот мог умереть. Не хочу даже думать об этом и косвенно быть замешанной в убийстве человека. Кошусь на парня, избившего Геру. Он тоже смотрит на меня. Ощущение, что злится. Мы на миг встречаемся взглядами, он мой словно удерживает, не позволяет отвести его в сторону.

— Арданов, на выход, — к решетке подходит молоденький полицейский, заметно нервничая, открывает дверь.

— Позвони своим, — бросает Грач, не скрывая обиды, не глядит на друга. Руслан поднимается, но, прежде чем выйти, негромко, но требовательно произносит:

— Девочку с собой заberi.

— Не было таких распоряжений, — чуть ли не заикаясь, отвечает полицейский.

— Девочку заberi с собой, — повторяет сквозь зубы.

— Ломакина, на выход, — не просто удивляюсь, пребываю в шоке, что полицейский послушался преступника.

Переглядываюсь с Антоном, он сжимает мою руку, но сорвавшееся в места сердце это никак не успокаивает. Руслан не смотрит в нашу сторону, но не уходит, будто ждет, когда я выйду.

— Ломакина, ты глухая? — со мной полицейский куда смелее.

Неприятно, что мужики в погонах силу демонстрирует на слабых. Поднимаюсь и иду на выход. Зло усмехаясь, взглядом меня провожает Грач.

Надеюсь, мы больше никогда с ним не встретимся.

Руслан входит в кабинет начальника отдела. Именно об этом гласит табличка на двери, а я остаюсь в коридоре вместе с молодым полицейским. Здесь есть скамьи с тремя откидными стульями, ощущение, что они из прошлого века. Достались отделению после ремонта какого-то театра, выкинуть было жалко, вот и раздали по участкам. Стены давно не крашены, на окнах решетки. Атмосфера гнетущая и тяжелая, но больше всего раздражает вьевшийся во все поверхности запах табака, будто это курильня, а не отдел полиции. Опускаю одно из сидений, присаживаюсь на самый край, будто готова в любой момент отсюда сбежать. Молодой полицейский стоит рядом, словно чувствуя мое желание. Ощушаю его взгляд на своем лице, старательно делаю вид, что не замечаю его внимания.

— Ты с ними была? — в голосе слышится недоумение. Понял, что не за ту меня принял?

— Нет, — мотнув головой. — Я домой шла с работы, а у подъезда драка.

— Дома знают, что ты здесь? — обводит головой помещение. Тон его голоса меняется.

— Нет.

— На, — протягивает телефон, — позвони.

— Номер не помню, — это неправда, мамы и папы номера знаю с детства. Помню и номер Марины, но звонить, да еще с незнакомого номера...

— Хотя бы несколько номеров нужно всегда держать в голове. Никуда не уходи, — разворачивается и уходит.

Отсюда уйдешь без вашего разрешения...

Возвращается полицейский через пару минут, протягивает мой телефон.

— Я сообщение напишу, — поясняю, прежде чем включить экран. Не рискну при ком-то звонить отцу, рядом наверняка будет сидеть Валя и все слушать.

Пропущенных звонков нет, что не может меня не радовать. Марина обычно звонит перед тем, как я ложусь спать, уточняет, все ли дома в порядке.

«Я с подругами. Немного задержусь»

Телефон мне оставили. Отец сообщения так и не прочитал. Обычно они с Валею рано закрываются в спальне. Если он так и не узнает, что я не дома, удалю сообщение.

А дальше все очень быстро завертелось. По коридору шли двое высоких крепких мужчин старше тридцати. По телу прошла легкая дрожь, их приезд не был случаен. Столько власти и уверенности в каждом движении могут демонстрировать только очень влиятельные люди. Прошли мимо меня,

словно не заметили.

Мой «охранник» бежит из кабинета в кабинет. За дверьми начальника отдела было тихо, будто ничего не происходило. Договариваются? О чем?

Антонна вызвали в кабинет, но минут через десять отправили в больницу. Вызвали в кабинет и Грача. Я ждала, когда же возьмут у меня показания. Нервно теребя в руках телефон, посматривала на часы.

— Всего доброго, — вышел провожать мужчин начальник.

Рассматриваю новое лицо, потому что заняться нечем. Чуть старше сорока, выше среднего роста, голубые, глубоко посаженные глаза, крупный нос, спортзал, судя по округлой фигуре, не посещает.

— Идем, — кивает мне Руслан, который выходит со своим другом следом за мужчинами. Я уже думала, что стала невидимкой, последние полчаса на меня никто не обращал внимания.

Не спрашиваю, куда и зачем. Очень надеюсь, что на выход.

— Отцу позвони, — один из мужчин бросает Арданову. Фамилию запоминаю, как и лица мужчин. Пока не знаю, для чего.

— Позвоню, — сухо. Мужчины больше ничего не добавляют.

Нам возвращают на проходной все вещи. Закинув сумочку на плечо, одной из первых оказываюсь на крыльце. Осмат-

риваюсь, в какую сторону идти. Может, прямо сюда вызвать такси?

— Пойдем, довезу тебя до дома, — обходит меня Руслан, останавливается напротив. — Мне все равно машину со двора забирать...

Глава 5

Влада

— Спасибо, я сама доберусь, — не чувствую в его предложении подвоха, но ехать ним отказываюсь. Он меня пугает. Холодный, отстраненный и очень жестокий. В моем воображении он представляется в роли маньяка. Я не забыла, как он избивал Геру и Антона: играючи, равнодушно, четкими, выверенными движениями, словно робот-убийца.

— Садись в машину, — повелительно, когда возле крыльца останавливается темный, полностью тонированный внедорожник. Ассоциации такие в голове, что я оглядываюсь на запертую дверь полицейского участка. Там было не так страшно.

— Руслан Ахметович, едем? — спрыгивает с подножки молодой улыбчивый парень, в ушах гарнитура, а за спиной кобура. Вряд ли это игрушка. Открывает дверь, вижу, что спереди сидит еще один мужчина. Отступаю на пару шагов, прижимаюсь спиной к двери.

— Меня подкинешь? — откинув полы удлиненного пуховика, Грач прячет руки в карманах. Стоит на нижней ступеньке и смотрит насмешливо. Глаза при этом остаются холодными и злыми.

— К Аслану подойди, он в центр едет, — не глядя на товарища, бросает Руслан. — Идем, не бойся, — тут же обраща-

ется ко мне. — Ребята из охраны. Тебя никто не обидит, — его голос внушает доверие, будто кто-то сидит внутри и требует поверить, но мой мозг сопротивляется. Я видела своими глазами, насколько он может быть жестоким.

— Спасибо, но... — стараюсь вежливо отказать. — Я такси вызову, — вежливость хромает, потому что я чуть ли не заикаюсь. Руслан до сих пор стоит в распахнутой куртке, не спешит закрыть грудь. Не боится заболеть?

— На такси опаснее, чем с нами, — встревает улыбчивый парень. — Мы девочек не обижаем.

Вот совсем не успокоил. Мнусь какое-то время, понимаю, что отступать Руслан не собирается, будет стоять тут хоть до утра. А мне Марина скоро звонить будет...

— Хорошо, — сама не верю, что согласилась. Мысленно перекрестившись, залезаю в машину. Отодвигаюсь к окну. Руслан садится рядом на заднее сиденье, но даже и не думает сокращать между нами расстояние. Откинувшись на подголовник, чуть съезжает вниз и закрывает глаза. Не открывает всю дорогу, будто спит.

— Воду не предлагаем, а то подумаешь, что мы тебя опохмелить хотим, — открывая маленькую бутылку минералки, произносит водитель. Наши взгляды встречаются в зеркале заднего вида. Он подмигивает, а я, немного лукавя, отвечаю:

— Спасибо, я не хочу пить, — кажется, что моя ложь шита белыми нитками, но никто не акцентирует на этом внимание. Потерплю до дома, а там и напьюсь.

Мои страхи были напрасными. Ни словом, ни действием никто меня не обидел. Единственное, что пугало – скорость. Мы не ехали, а летели. В подобных машинах скорость не ощущается, так вот я ощущала. Страшно было даже взглянуть на спидометр.

Доезжаем быстро. Мне открываю дверь, наверное, раньше, чем машина полностью останавливается.

— Пока, — бросает Руслан и, не глядя больше на меня, направляется к своей машине.

— Пока, — какое-то непонятное чувство и смятение в груди. Парень уходит, садится в машину и медленно выезжает со двора. Плетусь домой, а сама никак не могу выкинуть Руслана из головы.

Его поведение кажется мне странным и непонятным. А все непонятное вызывает тревогу...

Не успеваю войти в дверь, как в коридор выскакивает Валя в одной короткой сорочке. Неприятно мне видеть ее в таком виде. Хотя мне ее в любом виде неприятно видеть. Вот если бы она оставила нашу семью в покое...

— Где ты была? — сложив руки на груди и выставив вперед правую ногу. Со мной мама так не разговаривает. Стараюсь смолчать. Негатива для сегодняшней ночи более чем достаточно. Если я скажу хоть слово, все перерастет в скандал. Папа бросится защищать свою сожительницу.

Не отвечаю, молча раздеваюсь и вешаю верхнюю одежду.

— Ты бы обратил внимание на воспитание дочери, — рас-

палается Валя. Злит, что я игнорирую ее. — Это нормально, что она домой возвращается в первом часу ночи? Мы, значит, не спим, переживаем...

— Ты где была? — науськанный сожительницей, строго вопрошает отец.

— Не разочаровывай меня больше, чем уже есть. Если бы ты переживал, заглянул бы в телефон или хотя бы позвонил, — останавливаюсь, говорю, глядя ему в глаза. — Где твое мужское достоинство?..

— Ты так и проглотишь это блядство? — вопит Валя, не дает мне договорить.

Смотрю на отца. Что-то еще во мне живо, поэтому, наверное, жду, что он заступится...

— Чтобы больше так поздно не вздумала приходить, — пусть и тон его стал мягче, но встает он на сторону любовницы. — Или разговор будет другим, — добавляет для пущей строгости.

Не о чем мне с ними говорить. Молча прохожу мимо них. Звоню Марине, потому что от нее уже два пропущенных звонка. Уверяю, что спала, завтра расскажу правду, не хочу слушать нагоняй по телефону.

Принимаю душ, спать ухожу без ужина. Долго не получается заснуть, мысли в голове крутятся вокруг Арданова. Фамилия кажется знакомой, нужно утром покопаться в интернете...

Глава 6

Влада

Арданова не удалось полностью выкинуть из головы, но за прошедшую с той ночи неделю я вспоминала его все реже. Отец и Валя так и не узнали, где я повела ту ночь. Утром и вечером проверяла почту, но никакого письма из суда или МВД не было. Должны ведь были взять у меня показания? Или дело не стали даже открывать? А ведь Гера с Антоном до сих пор находятся в больнице. Сама я о них ничего не узнавала, как-то папа сообщил за завтраком:

— Наконец-то этого подонка хоть кто-то поставил на место! — это он о Гере. В округе отморозка боялись и презирали. Об Антоне папа не сказал ни слова, но я и так не сомневалась, что парень жив. — Жаль, что не убили, — буркнул себе под нос родитель.

В душе на его слова вспыхнул протест. В этот момент я не думала и не переживала за Геру, мне достаточно было мысли, что он жив, но я почему-то была против, чтобы Арданов стал убийцей. Я не знала этого парня и не могла объяснить свои чувства. Не стоит исключать, что Гера был не первым, с кем так жестоко расправился Руслан.

Выйдя на остановке из маршрутки, сошла с обледенелой тропинки в сторону, утопая по щиколотку в снегу, шла в сторону «Радуги». Не могу сказать, что за неделю я добилась

много, но малыши уже разучили песенку, по крайней мере я не пела теперь одна, танец «снежинок» пока вызывает определенные сложности, но мы стараемся. Лучше всего дело обстоит со стихами, тут полный порядок, почти все ребята рассказывают без запинок, громко и выразительно, в силу своего возраста.

Напротив ворот детского дома стоял черный, полностью тонированный внедорожник. В памяти всплыла точно такая же машина, но я отогнала эти мысли в сторону. Что охране Ардановых здесь делать? Не стоит даже брать в голову...

— Привет, как дела? — встречая у дверей, интересуется Марина. Она тоже только что подъехала, в руках несколько папок. Запыхавшаяся, уставшая и немного раздраженная, тетя отряхивала веником снег с замшевых сапог.

— В управлении была?

— Да. Опять на наших подарках хотят сэкономить, — возмутилась она, передавая мне веник. — За счет меценатов мы должны, оказывается, устраивать праздники, а деньги, что выделяет министерство...

— Марина Александровна, — выглянула взволнованная нянечка из ближайшего к входу окна, не дала тете договорить. — Этот мужчина... — выглядела Лида растерянно и немного испуганно. — Он сказал, что если вас не будет на месте через десять минут, то эту должность займет более компетентный человек, — выговорила на одном дыхании.

Не исключая, что так и было, но Лида хорошо знает Ма-

рину, а это чистой воды провокация. Лида умело натравила директрису. Кто бы там ни ждал тетю, он уже ее враг.

— Я уже иду, — оставив меня у дверей, она быстрым четким шагом устремилась к кабинету. От нее просто расходились волны негодования. Отряхнув ноги, я сначала дошла до раздевалки, сменила обувь и оставила пальто на вешалке. Обычно я снимала его в кабинете Марины, но сейчас лучше туда не соваться.

— Вы в своем уме? — раздается высокий голос Марины. Притормаживая в коридоре, прислушиваюсь к происходящему за дверью. Я здесь не одна подслушивающая, все коллеги переживают. — Вы серьезно думаете, что я пушу преступника в учреждение с детьми? Мне все равно, где ваш сын будет отбывать свою повинность, но точно не в моем детском доме!

— Мой сын не преступник, — от этого голоса холод прошелся по спине. Вроде спокойный, но столько в нем силы и тихой ярости, что волосы на коже поднимаются дыбом. — Этот детский дом вам не принадлежит, Марина Александровна. Не согласитесь вы, согласится ваш преемник, — сколько раз Марину уже пытались убрать, но сейчас мы все поняли, что это не простая угроза. Кем бы ни был этот мужчина, он свое обещание выполнит. Нельзя таким переходить дорогу. Переглянувшись с женщинами, мы мысленно просили Марину уступить.

— Будет выполнять любую работу, которую я поручу. От-

кажется — я не распишусь в справке, — ставит свои условия Марина. — Любое нарушение — и я пишу заявление в прокуратуру, — не любит тетя уступать, злится, поэтому голос дрожит. — Если все устраивает, оставайся, — значит, этот мужчина пришел со своим сыном.

Если парень и отвечает, то нам не слышно, зато отчетливо можно различить слова отца.

— Только не вздумай подставить моего сына... — угрозу он не успевает договорить, потому что Марина жестко его перебивает.

— По себе меня судить не надо. Я вашими преступными методами не пользуюсь.

— Всего доброго, — отвечает ей незнакомец. — Руслан, ты остаешься? — знакомое имя отзывается тревогой в груди.

— Остаюсь, начну отрабатывать с сегодняшнего дня, — теперь я узнаю голос парня. Неужели был суд? Почему тогда меня не вызывали? Вообще ничего не понимаю. И как Арданов оказался в «Радуге»? С их связями...

Сотрудницы детского дома резко отбегают от двери, а я за ними. Они успевают спрятаться, а я — нет. В открытой двери кабинета стоит высокий симпатичный мужчина, чуть прищурив глаза, внимательно меня рассматривает, потом, кивнув своим каким-то мыслям, уходит.

— Расчисти все дорожки от снега, — раздается строгий голос Марины.

Избегая встречи с Русланом, успеваю дойти до ближайше-

го кабинета и спрятаться там.

Глава 7

Руслан

Пока отец и тетка Влады «договаривались», я сидел на диване и листал страницу Влады в социальных сетях, сбросил себе несколько фотографий в альбом.

Я мог обойтись без этой отработки. Нетрудно встретить девушку после учебы и пригласить в кафе или прогуляться, но боюсь, меня бы ждал жесткий облом. Чем дольше я преследовал бы Владу, тем сильнее бы ее пугал. Хорошо, что отец согласился мне помочь, для этого пришлось давать полный расклад...

...

— Эта девушка для серьезных отношений? — спросил родитель, когда у него в кабинете я излагал свой план.

— Для серьезных, — глядя упрямо в серые глаза, такие же, как у меня.

Отец, как и дядьки — непререкаемый для всех нас авторитет. Да и не только для нас. Ардановых боятся и уважают.

— А как-то проще ухаживать за девушками не пробовал? — чуть выгибая бровь.

— Она была свидетельницей расправы над тем утырком, — откидываясь в кресле, нехотя признаюсь. Это все объясняло, и новых предложений больше не последовало.

У нас в семье вообще не принято лгать, особенно в серьез-

ных темах. Признался – выхватил, соврал – выхватил вдвойне в лучшем случае, в худшем будешь пахать, как раб на галерах.

— Не впутывать девушку в это дело было правильным решением, — констатирует отец, подтягивая к себе папку, которая лежала на краю стола.

Мне заглядывать в папку не надо, чтобы понять – там информация на Владу, которую удалось собрать за несколько дней: где учится, работает, чем занимается, нет ли вредных привычек, сколько мужиков у нее было. На прочерк в этом разделе мне ппц как нравилось смотреть. Пусть этот раздел и не дает стопроцентной гарантии, что она целка.

Такой же отчет мне скинул на почту Аслан. Я попросил начбеза узнать все о девушке, а тот не стал прыгать через голову дядьки. Поэтому в нашей семье теперь каждый знает, что я запал на Владу.

— Дело твое закрыли, но на исправительные работы мы тебя отправим, — суровым тоном проговорил отец, закрывая папку. Он не злится на меня. У Ардановых-старших привычка так разговаривать, отпрыски невольно ее копируют...

Вот и пристроили меня в детский дом «Радуга» отрабатывать двести сорок часов. Так надолго я здесь не задержусь...

Марина Александровна смотрела на меня, как на последнего злодея на земле. Смешно. Она очень старалась испепелить меня взглядом, но у нее для этого не хватит ни опыта, ни ресурсов. Школу выживания проходят все Ардановы.

Если старших вынудили жизненные обстоятельства, то со своими отпрысками они не церемонились, воспитывали, как спартанцев. Мы не умеем отступать и сдаваться.

— Иди, чисть дорожки, чтобы внутри детского дома я тебя не видела, — указывает взглядом на дверь. Ее гнев вызывает улыбку, потому что за ним она прячет страх.

Страх – сильное чувство, одних он заставляет бороться, других сдаваться. Марина борец, и мне это нравится. Не помню женщин, которые посмели бы так смело и открыто разговаривать с отцом и отстаивать свою позицию.

Вечером за ужином будет о ком поговорить. Отец наверняка до сих пор зол на упрямицу и скандалистку. Привык, что все перед ним лебезят и заикаются. Кто из нас был больше удивлен – сложно сказать.

Я не буду ни в чем убеждать Марину, она может верить во что захочет и даже считать меня преступником. Тут у меня есть определенная цель. Эту цель зовут Влада. Эту девочку я искал несколько лет...

— Лопату мне у завхоза попросить? — встаю с дивана и направляюсь к двери. О том, что их работник прибухивает, и после обеда его не найти, я услышал от возмущенных сотрудниц.

— Сейчас тебе вынесут лопату, — летит мне в спину. Оглядываюсь по сторонам. В коридоре никого нет, но я слышу, как Влада играет на пианино. Она здесь, значит.

Дорожки я расчищаю дотемна. Работа не тяжелая, но нуд-

ная. А еще вспотел и хотел бы отправиться в душ, но сначала Влада.

Оставив лопату в котельной, я иду в главное здание. Мне все равно, что Марина запретила мне заходить.

— Где можно помыть руки? — спрашиваю первую попавшуюся на пути женщину. Она напряжена, но провожает меня до уборной. Ждет за дверью. — Мне бы еще попить, — смотрит подозрительно, но потом произносит:

— Подожди, я сейчас, — спешит за стаканом, а я прохожу вперед, останавливаюсь у двери музыкальной комнаты. Дети дружно притихают и смотрят на меня. Влада, проследив за их взглядами, останавливает свой взгляд на мне.

Да, девочка, это я...

Глава 8

Влада

Руслан ушел час назад, а я искала повод задержаться. Не думала, что он будет ждать меня у ворот, но все равно выглядывала в окно, разглядывала стоящие за забором машины.

— Не ходи пешком, Влада. Это не центр города, где полно людей, — отпивая из чашки кофе, наставляла Марина. Тетя не знала, что случилось неделю назад, я так ничего и не рассказала.

Ее настроение немного улучшилось, когда она увидела выполненную Ардановым работу. Марина не видела, что он заглядывал в помещение, а то был бы еще один скандал. Мне кажется, отец Руслана настолько вывел ее из себя, что она до сих пор, вспоминая, начинала злиться. Обычно тетя не поджимает зло губы, когда задумывается.

— Снег опять пошел, — бросая взгляд в окно.

«Зря Арданов чистил дорожки», — вспыхнуло в голове.

— Ну, теперь у нас есть дворник, завтра вычистит, — хмыкнула тетя.

— Марина, ты точно не поедешь домой? — поднимаясь с дивана. Мои вещи остались сегодня в раздевалке.

— Прости, Влада, но еще одного скандала сегодня я просто не переживу, — тяжело вздыхая, брякнула чашкой по блюдцу. — Боюсь, не сдержусь и спущу эту гадину с лест-

ницы, а брата своего приложу чем-нибудь тяжелым. Такую женщину променял на шалаву! — тихо-тихо, чтобы никто из детей не услышал. — Может, она ему что-то сделала? Приворот какой? — мы столько раз это обсуждали. В магию я не верила.

Марина сама говорила, что мужики думают одним местом, а ближе к старости сваливают свою неспособность на стареющих вместе с ними жен, ищут молоденьких любовниц, чтобы доказать себе, что они еще что-то могут. Вот в эту теорию я охотно верила. Не удивлюсь, если выяснится, что папа тайком от любовницы принимает какие-нибудь таблетки, улучшающие потенцию. Спорт папа давно забросил и не следил за собой, в отличие от мамы. Скорее бы выходные, уеду к ней в деревню на несколько дней.

— Влада, вызови такси. На улице еще и гололед...

— Марин, я пройдусь немного. Такая погода классная, снег идет, на улице, наверное, не холодно, — подходя к двери.

— Я позвоню, — не стала Марина настаивать, но переживала. Никому из нас не хотелось идти домой, но у меня не было выхода, утром на учебу, а от дома до метро пять минут ходьбы.

Выйдя во двор, остановилась и задрала голову к небу. В свете фонарей красиво кружили пушистые снежинки. Поправив воротник, двинулась к воротам.

— Только не пугайся, — улыбнувшись, произнес Руслан.

Он стоял на углу детского дома, удачно выбрал место, его почти нельзя было разглядеть из окон, мешали старые толстоствольные деревья. Растерявшись, я не знала, что сказать.

— Я провожу тебя, — от твердости и уверенности в голосе я опешила. — Не очень хорошая привычка гулять по ночам одной, — губы кривятся в легкой улыбке.

— А если мне нравится гулять одной? — не чувствую от него угрозы, может, мои инстинкты спят, но бежать пока от него не хочется.

— Ты ведь не пробовала гулять со мной, — опять улыбается. — Тебе меня бояться не стоит, Влада, — подходит чуть ближе. — Девочек я не обижаю, — твердым голосом. — Я сам себя уважать перестану, если заставлю тебя бояться, — Руслан подходит очень близко, а я не отступаю, как завороченная, смотрю на него.

Не шарахаюсь, когда он поднимает воротник моего пуховика.

— Там кнопка оторвалась, — произношу пересохшими губами.

— Надень, у тебя горло открыто, — он вытаскивает из кармана шарф и протягивает мне.

— Не надо, — мотая головой, смотрю на распахнутую куртку.

— Меня с детства закаливали, я не болею. Надевай шарф и пойдем, — кивает в сторону запорошенной дорожки.

Идем, молчим. Молчание не давит. Мы не спешим. Я ду-

маю о том, как все это странно. За неделю я почти перестала его бояться. И почему-то поверила, что девочек Арданов не обижает.

— Почему ты избил Геру? — мне нужно это знать, чтобы понимать, как дальше относиться к Руслану.

— Думал, ты никогда не спросишь, — ухмыльнувшись. Наверное, я кажусь ему странной. Нужно было об этом еще в обезьяннике спросить. — Он наркотой торгует, а в наших клубах это запрещено. Помнишь Грача — парень, который был со мной?

— Да, — киваю головой.

— Он нашел в туалете закладку, пробили по камерам, твой сосед все толчки заложил. В прошлом году в клубе от передозировки скончались два молодых парня. Наш дядька строго предупредил — еще один такой случай, и он сам закроет наш бизнес. Каждый барыга знает: наши заведения неприкосновенны, но всегда найдется тот, кто плевать хотел на правила, — он рассказывал и смотрел на меня.

Поверила ли я?

Да.

Изменилось ли мое мнение о Руслане?

Я попыталась понять его жестокость, наверное, она была оправданна, раз на кону стояли жизни других людей.

— Есть уроды, которые понимают и уважают лишь силу. Не могла с ним не согласиться.

— Где учишься?.. — спросил Руслан, меняя тему.

Мы говорили в основном обо мне: учеба, работа, воспитанники и подготовка к Новому году. Общались легко и непринужденно. Я даже не заметила, как мы дошли до моего дома.

— До завтра, — потянулась, чтобы снять шарф, но Руслан меня остановил:

— Оставь себе. Мне будет приятно, если ты будешь его носить.

К чему он это сказал? Сердце сбилось с привычного ритма.

— До завтра, — смутившись, поспешила скрыться в подъезде. Нога поехала по обледеневшей ступеньке.

— Осторожно, ступеньки скользкие, — подхватил меня, прежде чем я упала...

Глава 9

Влада

Приближалась к воротам детского дома, а сердце замирало в волнении. Сейчас я его увижу. Руслан стал моей тайной. Приятной и пробирающей до мурашек тайной. Ничего запретного не происходило, но я была уверена, что Марина не одобрит кандидатуру Арданова, если я признаюсь, что он мне нравится. А он нравился – и с каждым днем все сильнее.

Мое сердце изменило ритм с того самого дня, когда он впервые меня проводил. В тот вечер я чуть не упала на ступеньках. Руслан поймал меня, так крепко прижал к себе, что вздохнуть было трудно. Наши лица застыли в нескольких миллиметрах друг от друга. Глубокий вдох – и наши губы могли встретиться. Со страхом и волнением я ждала, что он меня поцелует, но Руслан отстранился, а я облизала пересохшие губы, стараясь не показывать своего разочарования. Я даже не поняла, почему вообще возникло это желание.

«Разве Руслан мне нравится? Разве так бывает, что тебя тянет к незнакомому парню словно магнитом?» — спрашивала я себя в тот вечер. Сейчас я знала ответ на этот вопрос.

Дорожки расчищены и выметены, снега не было уже два дня, но тетя все равно находила Руслану работу на улице. Сегодня он пилил и рубил старое, поваленное еще осенью дерево. Он был далеко, в одной олимпийке, куртка лежала

не пеньке. Я не могла к нему подойти, боялась, что увидит Марина и устроит допрос, потом разнос. Знаю тетю, она не поверит Руслану. По крайней мере сразу.

Замахнувшись топором, он остановился и оглянулся, будто почувствовал мое присутствие. Между нами метров двадцать, и слышать моих шагов он не мог. Я продолжала медленно идти и смотреть на него, пока здание нас не разделило.

— Привет, — поздоровалась с Мариной, входя в кабинет. Лида сообщила, что тетя одна, поэтому я смело вошла.

— Замерзла? — спросила Марина, взглянув на меня.

— Нет, — мотнула головой, наоборот, мне было жарко, хотя на улице минус восемь.

— Щеки у тебя горят, не заболела? — подозрительно прищутив глаза. — Температуры нет?

— Марин, я с мороза вошла, вот и горят, — как можно непринужденнее улыбаюсь, отворачиваюсь и засовываю шапку в рукав. Шарф сняла еще в вестибюле и спрятала в карман. Марина сразу бы догадалась, что он мужской. И пахнет мужским парфюмом.

— Дома все нормально?

— Как всегда, — веду плечами. Эти дни мое присутствие в доме скрашивали мысли о Руслане. Он каждый вечер меня провожал.

— Наверное, сегодня с тобой поеду домой, — громко вздыхая. — В выходные вместе навестим Аню, — голос тут же потеплел. Марина любила мою маму. Она была еще со-

всем девчонкой, когда папа женился. Невестка смогла завоевать любовь всей семьи, а с мамой они стали лучшими подругами, и разница в возрасте не была помехой.

Занятие сегодня проходит тяжело. Дети отвлекаются. На стишках, которые так хорошо рассказывали эти дни, запинаятся.

— Идите немного поиграйте, а потом продолжим, — отпускаю малышей к игрушкам. Наблюдаю за ними и понимаю: что-то не то. — Лида, что с детьми? — подхожу к нянечке, она сидит в углу на стуле, что-то вырезает.

— Марина не рассказала?

— Нет, — мотнув головой, сажусь напротив, наклоняюсь вперед над детским столиком.

— Сегодня Гудков присылал две семьи детей посмотреть, на усыновление... — зло поджимает губы. — Как им вообще детей доверить можно? Они словно животных выбирали. Предупредили их, чтобы стояли в стороне и к детям не подходили, так полезли ведь. Грубые, вульгарные! Подумаешь, цацками дорогими обвешаны. Дети вначале обрадовались, ты же знаешь, как они ждут мам и пап, а потом за нами стали прятаться. Ну, Марина это долго терпеть не стала, попросила удалиться, а те скандал при детях устроили. Обещали, что она на своем месте не усидит, — покачала головой Лида. — Вот малыши и расстроены.

Продолжать в такой обстановке репетицию не стоило, поблагодарив Лиду за доверие, я пошла к малышам, села среди

игрушек и принялась с ними играть. Надо же было как-то поднимать им настроение.

Ощутив на себе чужой взгляд, я уже знала, кто пришел. Руслан часто заглядывал в окна, наблюдал за нашей репетицией, стоя у заснеженного дерева. Сегодня он опять осмелился войти в здание. Бросив взгляд на ноги, осталась довольна: он надел бахилы.

— Лида, присмотри, я на минутку, — бросаю нянечке. — Привет, — выпорхнув в коридор, попадаю в капкан. Сама прислоняюсь к стене, а он кладет руки по обе стороны от моего лица. Ничего больше не предпринимает, а мое сердце работает с перебоями.

— Я соскучился, — низким красивым голосом берет в плен и мое сознание. Губы пересыхают, тянет провести по ним языком, но не будет ли это провокаций, призывом меня поцеловать? Мы просто смотрим в глаза друг другу, а у меня каждый нерв напряжен, вибрирует, словно скрипичная струна...

— Что здесь происходит? — раздается строгий голос Марины. Как она здесь оказалась?..

Глава 10

Руслан

Несмотря на мое желание сделать ее полностью своей, я даже целовать эту девочку сейчас не собирался, хотя ппц как хотел. Пока только приручал к себе. Буду еще целовать, но не здесь...

Появление Марины разрушило тонкое чувство желания, что я пробуждал у Влады.

Влада ощутимо вздрогнула, стушевалась, будто ее застукали на месте преступления. Предполагал подобное развитие – нас может кто-то застукать, но рискнул. Воинственно настроенная тетка не собиралась прощать мне вольности. Похрен! Только пусть на Владу так не смотрит, меня это напрягает. Делаю шаг в сторону, закрываю ее собой.

Обвинительным взглядом Марина пыталась просверлить мне во лбу дыру. Смешная. Ненамного старше меня, но все равно мелкая, едва мне достает до плеча, хотя и выглядит в данный момент, как мелкая злая собака, готовая кинуться на тигра.

— Влада, возвращайся к детям, мы с тобой чуть позже поговорим, — произносит строгим тоном, демонстрирует всем своим видом пренебрежение ко мне: брови свела над переносицей, губы превратились в тонкую линию, кулаки сжала.

— С Владой говорить не надо, поговорите со мной, —

медленно, но жестко тяну слова, но пока еще сохраняя вежливый тон.

Заметил, что они близки. Да и Влада не спешит уходить, волнуется за спиной. Едва заметно щипает за спину, будто просит не обострять. Зря старается, я никогда не убегал от проблем.

— Все будет хорошо, — обернувшись, тихо произношу. — Ты мне веришь? — заглядывая в глаза. — Я тебя не подведу, — мне все равно, что за спиной пыхтит разъяренная Марина, я хочу, чтобы моя девочка мне верила.

Едва заметно кивает, а я чувствую, как расслабляется мой затылок, как в груди перестает давить, будто штанга с блинами упала на грудь, не понял даже, что был так напряжен. Влада уходит, но оглядывается у двери. Дожидаюсь, когда она скроется.

— Пообщаемся у вас в кабинете? — Марина чувствует, что я перехватил инициативу, и начинает еще больше заводиться. — Если хотите говорить при свидетелях, я готов, — громко фыркнув, она топает к дверям своего кабинета. Пряча улыбку, иду за ней. Несмотря на то, что она меня ненавидит, мне тетка Влады импонирует. Хотя бы за то, что так яростно защищает мою девочку, за то, что не побоялась противостоять отцу.

Закрываю за нами дверь. Притоптывая ногой, Марина тычет в меня пальцем, и начинается:

— Ты преступник, — выговаривает она. — Я запрещаю

тебе подходить к Владе. Она слишком хороша для такого, как ты, — сильно нервничает, но не отступает. Уважаю ее за это, но Владу не уступлю.

— Вы не можете мне ничего запретить, — вижу, как округляются ее глаза. Она неправильно меня поняла, я не козыряю своей фамилией, но если понадобится, задействую все ресурсы.

— Не трогай ее, я прошу тебя, — понижает голос. Нелегко «железной леди» кого-то умолять.

— Нет... — одним этим словом я могу поставить точку, развернуться и уйти, но мне не хочется ее обижать. — Марина, ты зря волнуешься, — специально перехожу на «ты», хочу попробовать наладить с ней отношения и договориться. Но вижу, как задевает ее мое обращение. — Я с Владой не играю. А чтобы тебе было спокойнее, я признаюсь: на мне нет и никогда не было судимости, ты легко можешь это проверить. Здесь я только ради нее.

— Ты ее преследуешь? — делая шаг назад. Женщины... выдумывают на ровном месте. — Зачем ты все это организовал? Твой отец участвует в заговоре?

— Давай ты не будешь ничего выдумывать? Садись, я расскажу все, как было... — рассказ занял не больше пяти минут. Марина выслушала и даже немного расслабилась, но все еще не доверяла. — Она мне нравится, очень нравится.

— Если ты обидишь ее, Арданов... — мотает головой.

— То ты ничего не сможешь мне сделать, — не для того,

чтобы ее разозлить, я просто говорю, как есть. Нафига эти глупые бабские угрозы? Мужчина должен впрягаться за своих женщин, а в их семье, видимо, что-то не так с мужчинами. — Но хочу, чтобы ты запомнила: я никогда ее не обижу и другим не позволю.

— Я не могу тебе доверять, — не удивлен, что она не верит. Красивая молодая женщина, а если верить отчету — много лет одна, а это наводит на мысль, что козел, а может, и не один, в ее жизни успел наследить.

— Научишься, когда лучше узнаешь. А пока просто не усложняй. Рядом со мной Влада в безопасности. Предлагаю дружить.

— Моя дружба не распространяется на твоего отца, — вернулась к строгому тону. Все еще злится и прощать не собирается. Ладно, отец пусть сам разбирается с будущей родственницей. На Владу у меня серьезные планы.

— Договорились.

— Но я все еще к тебе присматриваюсь, — погрозив пальцем. Не сомневался, что легко не будет.

— Владу я вечером заберу, мы куда-нибудь сходим, — если все так хорошо, почему бы не отпросить ее на первое свидание?

— Я иду с вами...

Глава 11

Влада

Нервничала я, видимо, зря. Не знаю, о чем Марина разговаривала с Русланом, но когда я через час, закончив репетицию, вернулась в ее кабинет, Арданов пил из ее чашки кофе, а те

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.